

УДК 001

<https://doi.org/10.25587/2587-5604-2025-4-179-187>

Оригинальная научная статья

Философия науки на перекрёстке традиций: взаимодействие религиозного и рационального мировоззрений

С. Б. Куликов

Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Российской Федерации

s.b.kulikov@utmn.ru

Аннотация

В статье исследуется актуальная *проблема* становления философии науки как самостоятельной отрасли знания. Цель исследования – раскрыть закономерности её формирования в контексте историко-культурного противостояния религиозного и научного типов мышления, представленных соответственно средневековой и новоевропейской эпохами. Методология в работе базируется на применении компаративного анализа, обеспечивающего возможность системного сопоставления культурных парадигм и выявления имманентных характеристик когнитивной деятельности. В результате предложенный подход позволяет реконструировать логику трансформации научных представлений и их корреляцию с религиозным мировоззрением в различных исторических контекстах. Центральным аспектом выступил критический анализ европоцентристской дихотомии в основахprotoфилософии науки религиозного (метафизического) и научного (рационального) дискурсов. Установлено, что бинарная оппозиция не обладает универсальной валидностью и не представляет всю сложность взаимодействия различных форм познания. Результаты исследования демонстрируют, что актуальность и эвристический потенциал философии науки детерминированы продуктивным взаимодействием с религиозным типом мышления, стимулирующим рефлексию над фундаментальными основаниями научного познания. При этом синкретизм не сдерживает развитие науки, способствуя интенсификации межкультурного диалога в контексте поиска универсальных моделей познания. Перспективным вектором развития философии науки выступает интеграция различных форм рациональности, способствующая формированию инновационных методологических подходов и преодолению ограниченности как сугубо научного, так и исключительно религиозного типов дискурса. В *заключение* исследование подтверждает, что генезис философии науки как самостоятельной дисциплины обусловлен синергетическим взаимодействием социокультурных, исторических и интеллектуальных факторов, а её эволюция детерминирована диалогом различных типов мышления и познания.

Ключевые слова: философия науки, религиозное мышление, научное мышление, новоевропейская наука, эпистемологическая парадигма, сравнительный анализ, античность, средневековье, европоцентризм, противостояние.

Для цитирования: Куликов С. Б. Философия науки на перекрёстке традиций: взаимодействие религиозного и рационального мировоззрений. . Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, *Vestnik of North-Eastern Federal University. Серия «Педагогика. Психология. Философия». Pedagogics. Psychology. Philosophy»*. 2025: 40 (4): С. 179-187. DOI: 10.25587/2587-5604-2025-4-179-187

Original article

Philosophy of science at the crossroads of traditions: The interaction of religious and rational worldviews

Sergey B. Kulikov

Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation

s.b.kulikov@utm.ru

Abstract

The article examines the actual problem of the formation of the philosophy of science as an independent branch of knowledge. The purpose of the study is to reveal the patterns of its formation in the context of the historical and cultural confrontation of religious and scientific types of thinking, represented respectively by the medieval and Modern European eras. The methodology in the work is based on the use of comparative analysis, which provides the possibility of a systematic comparison of cultural paradigms and the identification of immanent characteristics of cognitive activity. As a result, the proposed approach makes it possible to reconstruct the logic of the transformation of scientific ideas and their correlation with the religious worldview in various historical contexts. The central aspect was a critical analysis of the Eurocentric dichotomy in the foundations of proto-philosophy, the science of religious (metaphysical) and scientific (rational) discourses. It has been established that binary opposition does not have universal validity and does not represent the complexity of the interaction of various forms of cognition. The results of the study demonstrate that the relevance and heuristic potential of the philosophy of science are determined by productive interaction with the religious type of thinking, stimulating reflection on the fundamental foundations of scientific knowledge. At the same time, syncretism does not restrain the development of science, contributing to the intensification of intercultural dialogue in the context of the search for universal models of cognition. A promising vector for the development of the philosophy of science is the integration of various forms of rationality, contributing to the formation of innovative methodological approaches and overcoming the limitations of both purely scientific and exclusively religious types of discourse. In conclusion, the study confirms that the genesis of the philosophy of science as an independent discipline is determined by the synergetic interaction of socio-cultural, historical and intellectual factors, and its evolution is determined by the dialogue of different types of thinking and cognition.

Keywords: philosophy of science, religious thinking, scientific thinking, New European science, epistemological paradigm, comparative analysis, antiquity, the Middle Ages, Eurocentrism, opposition

Для цитирования: Kulikov S.B. Philosophy of science at the crossroads of traditions: The interaction of religious and rational worldviews. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Pedagogics. Psychology. Philosophy.* 2025: 40 (4): Pp. 179-187. DOI: 10.25587/2587-5604-2025-4-179-187

Введение

Сложно оспорить факт, что ключевую роль в формировании философского осмысливания науки сыграла борьба светской мысли с доминированием религиозных представлений о действительности. Во всяком случае, именно против засилья религиозной метафизики, её негативного влияния на накопление положительных результатов познания возражали первые мыслители, которые специальным образом занимались проблематикой философии науки.

В частности, О. Конт замечал: «Человек начинает понимать, что он забавлял себя игрою слов, которая, мешая во многих случаях ясной и правильной постановке вопросов, заставляла его тратить время и силы на бесплодную борьбу с совершенно непреодолимыми трудностями. Увидавши неосновательность прежних объяснений, человек убеждается понемногу в том, что его способность объяснять явления природы имеет определённые границы, через которые его уму никогда не удастся перешагнуть; человек признаёт ту великую истину, что он может только наблюдать явления и подмечать, в каком порядке одно явление следует за другим или каким образом одно явление совмещается с другим» [1, с. 123].

Между тем сходные импульсы питали сторонников рационализации познания задолго до возникновения специального направления исследований. В определённом смысле – это «вечная» проблема любой стихийно сложившейся философии науки, как практики самосознания научно-познавательной деятельности.

Уже краткий обзор литературы показывает: если в Средневековье религия составляла фундамент культуры и проливала «сверхъестественный» свет на предметы познания, то в Новое время ту же роль – в плане просвещения, а неведения в трансцендентное – взяла на себя наука. Противопоставление двух эпох породило стремление к самообоснованию: учёные принялись самостоятельно осмысливать свои действия [2; 3]. И выбранный вектор движения явно указывал на возрастание конфликта между видами мировоззрения.

Но важно отметить, что столь чёткая граница между религиозным и научным типами мышления характерна преимущественно для европейской традиции. В других культурных ареалах – на Древнем Востоке, в Античности, в исламском мире – мистическое и рациональное зачастую существовали в тесной взаимосвязи [4].

Причины, по которым в европейской мысли выбор пал иначе, а главное, условия, при которых это стало возможным, выступают главным предметом исследования. Основной же целью работы выступает сопоставление особенностей развитияprotoфилософии науки, которая вполне оформилась лишь в конце XIX – начале XX веков в линии работ от О. Конта и У. Уэвелла до трудов участников знаменитого Венского кружка (М. Шлик, Р. Карнап и др.), в недрах доновоевропейских культур античности и средневековья. Наиболее логичным методом, позволяющим как можно точнее прояснить специфику предметной области, становится сравнительный анализ.

Немаловажная практическая значимость исследования видится в возможности применить его результаты для совершенствования современного научного дискурса и междисциплинарного взаимодействия. В образовательной сфере это позволит разработать новые подходы к преподаванию истории и философии науки с учётом культурно-исторического контекста; в научной методологии – создать более гибкие инструменты познания через понимание исторических предпосылок формирования различных типов мышления; в социальной практике – выстроить эффективные модели диалога между научным сообществом и представителями других мировоззренческих позиций; а в культурном контексте – способствовать преодолению конфликтов на почве мировоззренческих различий и формированию более целостного понимания процессов развития научного знания в современном мире.

В структурном плане работа содержит три раздела. В первом представлены особенности доновоевропейских культур с акцентом на противостоянии религиозного и научного мировоззрений. Во втором даются условия развития философии науки, но с позиций современной критики упрощённой дихотомии «религиозное vs научное». В третьем показана незавершённость выделенного противостояния и перспективы его дальнейшего развития. Такой подход позволяет по-новому взглянуть на процессы развития научного познания в прошлом и настоящем, обеспечивая научную новизну полученных результатов.

Материалы и методы

Исследование выполнено на *материале* исторического развития философии науки как относительно самостоятельного направления. В работе проясняются базовые мировоззренческие установки: с одной стороны, ориентация на религиозно-мистические взгляды, а с другой – рационально-критическая позиция науки, – которые оказали влияние на становление новой дисциплины в XIX веке. При этом учитывается, что формирование представляло собой длительный процесс, постепенно вызревавший в предшествующие столетия.

В качестве основного *метода* исследования использован сравнительный анализ, позволявший сопоставить различные культурные эпохи и характерные для них познавательные установки. Поскольку предметом исследования выступает роль религии и науки в культурно-историческом процессе, обоснованным оказалось привлечение историко-философского подхода

Результаты и обсуждение

Культура как поле битвы рациональных и мистических умонастроений

Особенности отношений мистических и рациональных убеждений в доновоевропейских культурах попали в поле зрения значительного числа исследователей. Так, В. К. Шохин отмечает, что поздневедийские мудрецы, будучи идеологами брахманистского общества, выстраивали принципы его организации через концепцию ритуализма [5, с. 45]. Что же касается античной философии, то вопреки распространённому представлению о «теоретичности» античных мыслителей, многие из них не были оторваны от практических интересов и исканий в духовной плоскости [5, с. 289].

Нечто подобное утверждал и А. Ф. Лосев. Он настаивал, что античная философия не была исключительно рациональной: «Эйдос-идея есть конкретно-данный смысл» [6, с. 240]. Из этого ясно, что Лосев видел не сугубо рациональный, но символико-мифологический характер античного мышления. Понятие «эйдос» здесь не абстрактная категория, а живой образ, в котором слиты чувственное и умопостигаемое. Это развенчивает миф о «чистой теоретичности» античной философии и показывает, что рациональное и мистическое в ней не противопоставлены, а взаимодополняют друг друга.

В свою очередь Р. В. Светлов отмечает, что в античности и раннем христианстве философские и религиозные идеи часто выражались через аллегории и символы, ведь «...экзегетический взгляд на мир (мир, как и писания, которые принято считать богоухновенными, являются символическими словами: любой телесный, зримый феномен можно считать символом стоящей за ним реальности)» [7, с. 55]. Символическое толкование текстов (как философских, так и религиозных) свидетельствует о том, что поиск истины не сводился к логическому анализу, а включал герменевтическую глубину. Это контрастирует с новоевропейской наукой, где доминирует буквальное, эмпирически проверяемое значение.

Между тем существуют и дополнительные аргументы в пользу этой позиции. В частности, М. К. Трофимова отмечает, что раннехристианские гностические тексты демонстрируют удивительную способность сочетать мистические откровения с рациональными построениями, формируя целостную картину мироздания [8, с. 41-42]. При этом необходимо подчеркнуть, что в мировоззрении гностиков мистические интенции всё же преобладали.

Из приведённого высказывания видна синтетическая природа гностицизма: он не отвергает разум, но подчиняет его мистическому опыту. Это пример недифференциированного знания, где рациональное и сакральное не конкурируют, а образуют единую систему, которая во много, хотя и с оговорками, была свойственна античности в целом [9]. Такой подход чужд новоевропейской науке, которая стремится к чёткой разграниченности методов.

Итак, противопоставление мистического (сакрального) и обыденного (секулярного) можно считать необходимым условием возникновения философии науки. Ведь не вызывает серьёзного сомнения, что трудно, если вообще возможно представить развитие науки и техники «...без интеллектуального и экзистенциального фундамента – без принципиальной смены онтологической перспективы и самоощущения человека [10, с. 551]. И хотя этот аспект пока недостаточно осмыслен в рамках «чистой» философии науки, отдельные тенденции к осознанию проявляются в современных исследованиях [2; 4]. Они затрагивают

анализ этических и гуманистических начал новоевропейской науки, распространяясь и на изучение когнитивных и социальных оснований протонаучного знания.

Смысловое противостояние религиозного и научного мировоззрений раскрывается уже на уровне базовых характеристик. По убеждению современных исследователей, религия представляет переживание «личной встречи человека с Богом» [11, с. 85]. В социальном плане средневековая традиция предполагала ориентацию на вечное и сверхъестественное, главенство веры и авторитета. Тем самым религия определяется через диалогический принцип: она не просто доктрина, а живое взаимодействие с трансцендентным.

В средневековой религиозно-символической картине мира мистицизм занимал центральное место [12], тогда как наука Нового времени сменила диалог с Богом-творцом на монолог наблюдателя. Природа при этом стала восприниматься как преимущественно механическая система, где жизнь – лишь вкрапление в безжизненную основу.

Такой подход вполне согласуется со стремлением Э. Кассирера интерпретировать науку в виде элемента «символической вселенной» культуры, суть которого – понимать и истолковывать, связывать и организовывать, синтезировать и обобщать человеческий опыт. Отмечено, что «...не только наука, но и язык, миф, искусство, религия поставляют материал, из которого мы строим, с одной стороны, мир «действительности», а с другой – духовности, мир Я. Их также нельзя рассматривать просто как явления налично данного мира – их следует понимать как функции самобытного формирования бытия, особые способы его разграничения и структурирования» [13, с. 24-25].

Примечательно, что на данном пути Кассирер проводил аналогии между наукой как символической системой и другими формами языкового отображения явлений в мире, в частности при помощи искусства. Это позволило снять жёсткое противопоставление «религия vs наука»: обе оказались вариантами единого процесса смыслообразования.

Однако в новоевропейской науке символическая функция подчинена инструментальной – познание направлено на контроль и преобразование, а не на созерцание. Наука ориентирована на посюстороннее: природное и человеческое. Это делает приоритетными эксперимент, наблюдение, разум и сомнение.

В результате изучения историко-культурного контекста выделяется целый ряд фундаментальных противопоставлений, которые наложили отпечаток на формирование философии науки как самостоятельной дисциплины:

- между ориентацией на Бога (Средневековье) и ориентацией на природу и человека (Новое время) [2; 3];
- между религиозной верой и авторитетом и автономией сомневающегося разума «естественному» наблюдателя [1].

Приведённые оппозиции создали ту специфическую среду, в которой философия науки обрела статус относительно самостоятельной области знания, сохраняя при этом полемическую связь с религиозным мировоззрением.

Условия становления философии науки: критика упрощённой дилеммы «религиозное vs научное»

Ход исследования наводит на мысль, что становление философии науки как самостоятельной области знания стало возможным исключительно в контексте Нового времени. Причём процесс сопровождали три важных момента:

1. Принципиальное противопоставление религиозного и научного типов мышления [2; 3];
2. Формирование новой эпистемологической парадигмы, основанной на эксперименте, наблюдении и рациональном сомнении [4];
3. Утверждение науки в качестве ядра новоевропейской культуры [2; 3].

Здесь принципиально важно, что «разрушение античного и средневекового космоса в XVII–XVIII веках происходило, как мы видели, «постепенно». Сначала понятия совершенства, смысла и цели, вытесненные из естествознания, сохранились в качестве отдельного метафизического фундамента, созданного творцами первых научных. На втором этапе, – главным образом уже в XVIII веке, – эти понятия и принципы постепенно вытесняются из сферы теоретического знания вообще» [3, с. 432–433].

Из приведённых слов П. П. Гайденко следует, что новоевропейская наука носит двойственный характер: с одной стороны, она эволюционирует из средневековой, а с другой – создаёт принципиально новые эпистемологические основания, т.е. совершает революционный скачок. Эксперимент и математика становятся автономными источниками легитимации получаемых результатов, что разрывает связь с традицией, где истина подтверждалась авторитетом.

Л. М. Косарева подчёркивает, что наука Нового времени утвердила не просто как система знаний, но и как особый культурный институт, который задаёт новые нормы мышления и деятельности. Её триумф означал радикальную смену самой парадигмы рациональности.

При этом нельзя не обратить внимания, что ряд достигнутых результатов демонстрирует признаки спонтанности, не вполне согласующиеся с линейной моделью научного прогресса. Скажем, что касается гелиоцентрической системы Коперника, то она «... не обладала ни очевидными эмпирическими преимуществами перед системой Птолемея, ни действительным радикальным упрощением математического аппарата, ни принципиальным увеличением точности в астрономических предсказаниях. С момента своего возникновения и до открытия Галилеем в 1616 г. фаз Венеры, т. е. более полувека, вообще отсутствовали прямые экспериментальные подтверждения движения Земли, которые свидетельствовали бы об истинности гелиоцентрической системы Коперника. Если к этому прибавить еще такие факторы, как противодействие коперниканской системе со стороны обыденного опыта и мощной идеологической традиции, связавшей себя с геоцентризмом, то победа системы Коперника над птолемеевско-аристотелевской КМ становится почти необъяснимым чудом» [1, с. 284].

Косарева акцентирует внимание на социальном аспекте научной революции, в котором наука предстаёт не только методом познания, но и институтом, формирующим мировоззрение. Именно поэтому её противостояние с религией вышло за пределы теоретических дискуссий и затронуло повседневные практики.

В то же время положения, выдвинутые в недавней работе [14], побуждают задуматься об упрощённости дихотомии «религиозное vs научное» в классических работах по истории науки. В конечном итоге гораздо справедливее было бы ориентироваться на плюрализм когнитивных стратегий в ранний период модерна. На это влияла структура аргументации, заимствованная учеными во многом из богословия, которая в те времена считалась не менее научным, чем иные дисциплины.

В работе, посвящённой Э. Бёрту – мыслителю, оказавшему влияние на концепцию истории науки А. Койре, но оставшемуся в тени, – раскрывается неоднозначная, по сути, гибридная форма рациональности, характерная для раннего Нового времени [15]. В частности, показано, что физика формировалась под мощным влиянием духовных, а зачастую и мистических практик (таких как астрология и алхимия). Это наглядно демонстрирует многообразие путей становления научного знания.

Под вопросом у современных авторов и европоцентризм, мешающий адекватному восприятию культурно-исторического процесса и места отношениям религии и науки в нём.

Акцент на европейской специфике формирования философии науки оставляет вне поля зрения альтернативные модели рациональности, развивавшиеся в исламском мире [10].

Критика европоцентричности классического образа истории науки требует учитывать неевропейские эпистемологии. Рациональные и религиозные начала в них не антагонистичны. Таковы, к примеру, исламская традиция философствования (калам) и индийская няя. Включение их в поле анализа расширяет понимание философии науки как глобального феномена, не сужая только до сугубо западного образования.

Незавершённость противостояния и перспективы развития

Противостояние научного и религиозного типов мышления, которое можно назвать «войной форм», остаётся неоконченным [16]. Неудивительно, что этот факт не только указывает на незавершённость процесса самоопределения философии науки, но и обеспечивает её жизнеспособность как динамично развивающейся дисциплины.

Сравнительный анализ демонстрирует: становление философии науки – это не линейный процесс вытеснения религиозного (метафизического) мировоззрения научным (анти-метафизическими), а сложная эволюция. В её рамках проявились следующие особенности:

1. В европейском контексте сформировалась чёткая оппозиция религиозного и научного мышления, ставшая катализатором автономизации науки.

2. В других культурных традициях (восточных, античных, раннехристианских) сохранился синтез рационального и мистического, что ставит под сомнение универсальность европейской модели.

Современная наука, несмотря на институциональную зрелость, продолжает диалог с религиозным мировоззрением, что свидетельствует о незакрытости вопроса о границах и методах познания.

Следовательно, философия науки сохраняет актуальность именно благодаря напряжённому взаимодействию с религиозным типом мышления. Взаимодействие с ним стимулирует рефлексию о собственных основаниях науки. Это побуждает к межкультурному диалогу в поисках универсальных когнитивных стратегий, открывая новые перспективы для синтеза различных форм рациональности в условиях глобальных вызовов современности.

Заключение

Проведённое исследование приводит к следующим выводам:

Во-первых, становление философии науки как самостоятельной дисциплины обусловлено спецификой историко-культурного контекста Нового времени, в котором сформировалось принципиальное противопоставление религиозного и научного типов мышления.

Во-вторых, новая эпистемологическая парадигма, основанная на эксперименте, наблюдении и рациональном сомнении, стала фундаментом новоевропейской науки.

В-третьих, наука Нового времени утвердилась не только как система знаний, но и как культурный институт, задающий новые нормы мышления и деятельности.

В-четвёртых, упрощённая дихотомия «религиозное vs научное» не отражает многообразия когнитивных стратегий раннего модерна, где многие учёные совмещали теологические и естественнонаучные интересы.

Наконец, в-пятых, европоцентричный подход к истории науки игнорирует альтернативные модели рациональности (исламские, индийские, китайские), где религиозное и рациональное не находились в жёстком противостоянии.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с углублённым изучением неевропейских эпистемологических традиций и их вклада в формирование глобального пространства научного познания.

Литература

1. Конт О. *Курс положительной философии*: в 6 т. / О. Конт; пер. с фр.; под ред., с примеч. и ст. С.Е. Савича. Санкт-Петербург : Издание Н. Г. Мартынова; 1899-1900: 1: 302.
2. Косарева Л. М. *Рождение науки Нового времени из духа культуры*. Москва : Институт психологии РАН; 1997: 360.
3. Гайденко П. П. *Эволюция понятия науки (XVII–XVIII вв.)*. Москва : Наука; 1987: 447.
4. Литовка И. И. *Формирование протонаучного комплекса знаний в Месопотамии и Древнем Египте: когнитивные и социальные основания*. Новосибирск; 2006 : 209.
5. Шохин В. К. *Брахманистская философия: начальный и раннеклассический периоды*. Москва : Вост. лит.; 1994: 352.
6. Лосев А. Ф. *Очерки античного символизма и мифологии*. Москва : Мысль; 1993:959.
7. Светлов Р. В. *Античный платонизм иalexандрийская экзегетика*. Санкт-Петербург : РХГА; 2011: 208.
8. Трофимова М. К. *Историко-философские вопросы гностицизма*. Москва : Наука; 1979: 286.
9. Адо П. *Духовные упражнения и античная философия*. Москва; Санкт-Петербург : Изд-во «Степной ветер»; ИД «Коло»; 2005: 448.
10. Бородай С. Ю., Мухетдинов Д. В. Исламская мысль: приглашение к тематическому прочтению. *Исламская мысль: традиция и современность*; 2020: (5): 549-644.
11. Аванесов С. С., Аванесова Е. Г. Социальный аспект религиозной практики. *Вестник Томского государственного университета*. 2007: (295): 85–86.
12. Жильсон Э. *Философия в Средние века*. Москва : Культурная революция, Республика; 2010: 678.
13. Кассирер Э. *Философия символических форм. Язык*. Москва; Санкт-Петербург : Университетская книга; 2001: 271.
14. Савинов Р. В. Реконструкция стратегий аргументации в конфессиональной полемике рубежа XVI-XVII веков о возможности естественной теологии. *Вопросы теологии*; 2021:3(1):58-85.
15. Дроздова Д. Н. Эдвин Бёрт и драма науки Нового времени. *Историко-философский ежегодник*. 2024:39:367-377. EDN MBQLUX.
16. Койре А. *Очерки истории философской мысли. О влиянии философских концепций на развитие научных теорий*. Москва : Прогресс; 1985: 286.

References

1. Comte O. *Course of Positive philosophy*. Vol. 1: Philosophy of Mathematics. Saint Petersburg: N. G. Martynov; 1899–1900:1:302 (in Russian).
2. Kosareva L.M. *The birth of modern science from the spirit of culture*. Moscow: Institute of Psychology RAS; 1997:360 (in Russian).
3. Gaidenko P.P. *The evolution of the concept of science (17th–18th centuries)*. Moscow: Nauka; 1987:447 (in Russian).
4. Litovka I.I. *The formation of a protoscientific knowledge complex in Mesopotamia and ancient Egypt*. Novosibirsk; 2006:209 (in Russian).
5. Shokhin V.K. *Brahmanical philosophy: initial and early classical periods*. Moscow: Vostochnaya literatura; 1994:352 (in Russian).
6. Losev A.F. *Essays on ancient symbolism and mythology*. Moscow: Mysl; 1993:959 (in Russian).
7. Svetlov R.V. *Ancient Platonism and Alexandrian exegesis*. Saint Petersburg: RCHGA; 2011:208 (in Russian).
8. Trofimova M.K. *Historical and philosophical issues of Gnosticism*. Moscow: Nauka; 1979:286 (in Russian).
9. Hadot P. *Spiritual exercises and ancient philosophy*. Moscow, Saint Petersburg: Stepnoy Veter Publishing, Kolo; 2005: 448 (in Russian).
10. Borodai S.Yu, Mukhetdinov D.V. Islamic thought: an invitation to thematic reading. *Islamic Thought: Tradition and Modernity*. 2020:(5):549–644 (in Russian).
11. Avanesov S.S., Avanesova E.G. Social aspect of religious practice. *Tomsk State University Journal*. 2007:(295):85–86 (in Russian).

12. Gilson É. *Philosophy in the Middle Ages*. Moscow: Kulturnaya revolyutsiya, Respublika; 2010:678 (in Russian).
13. Cassirer E. *Philosophy of symbolic forms. Language*. Moscow, Saint Petersburg: Universitetskaya kniga; 2001:271 (in Russian).
14. Savinov R.V. Reconstruction of argumentation strategies in confessional polemics at the turn of the 16th–17th centuries on the possibility of natural theology. *Issues of Theology*. 2021;3(1):58–85 (in Russian).
15. Drozdova D.N. Edwin Burt and the drama of early modern science. *Historical and Philosophical Yearbook*. 2024;39:367–377 (in Russian).
16. Koyre A. *Essays on the history of philosophical thought. On the influence of philosophical concepts on the development of scientific theories*. Moscow: Progress; 1985:286 (in Russian).

Сведения об авторе

КУЛИКОВ Сергей Борисович – д. филос. н., доцент, профессор, Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Российская Федерация, SPIN 6659-0250, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0913-9290>, e-mail: s.b.kulikov@utmn.ru

Information about the author

KULIKOV Sergey Borisovich – Dr. Sci. (Philosophy), Docent, Professor, Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation, SPIN 6659-0250, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0913-9290>.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interest.

Поступила в редакцию / Submitted 10.11.2025

Поступила после рецензирования / Revised 28.11.25

Принята к публикации / Accepted 05.12.25